

Людмила УСТЮГОВА

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ НАГРУЗКА ОДИНОЧНЫХ СТРАДАТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ А. ЧЕХОВА 1895 – 1903 гг.

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія.

Випуск 2 (40) 2018

УДК 811.161.1'363.623:82 1.161.1-3 Чехов

Устюгова Л. Функціонально-стилістичне навантаження пасивних дієприкметників без залежних слів у художній прозі А. Чехова 1895-1903 рр.; 14 стор.; кількість бібліографічних джерел – 12; мова – російська.

Анотація. Об'єктом дослідження у даній статті слугують пасивні дієприкметники без залежних слів, зафіксовані у художній прозі А. Чехова останнього періоду творчості. Автор статті зосереджується на тих функціонально-стилістичних розбіжностях, котрі обумовлені позицією вказаних дієприкметників по відношенню до пояснювальних слів (препозиція / постпозиція). Заслужують на увагу спостереження автора стосовно особливостей вживання дієприкметників у складі граматико-синонімічних рядів з атрибутивним значенням, компоненти яких відносяться до різних частин мови.

Ключові слова: російська мова, пасивні дієприкметники, пасивні дієприкметники без залежних слів, категоріальні ознаки, позиція у реченні, граматико-синонімічний ряд, художня проза.

Причастия, являясь ещё индоевропейским образованием, генетически не связанным с книжной традицией, в древнейших памятниках древнерусской письменности предстают прежде всего как категория книжная, заметно отразившая старославянское влияние. Известный английский лингвист Борис О. Унбегаун, ориентируясь прежде всего на суффиксы действительных причастий настоящего времени, квалифицировал категорию причастий в современном русском литературном языке как целиком церковнославянскую, игнорируя тот факт, что характерной особенностью древнерусских причастий, в отличие от современных, была их более тесная связь со сферой предикации [11, с. 266]. В современном русском языке функционируют преимущественно те причастия, которые формируются в литературном языке XVIII в. в русле развивающейся категории качественности [3, с.204]. Поэтому современные причастия предстают прежде всего как атрибутивная категория, у которой предикативные оттенки значения предопределяются особыми условиями употребления в текстах, преимущественно художественных. Основная цель нашего исследования – выявить степень реализации причастиями атрибутивных и предикативных оттенков значения в художественных текстах. В данной статье объектом анализа являются страдательные причастия, представляющие признак как пассивный, т.е. характеризующий по испытываемому действию [9, с. 665]. Рассматривая причастие как одно из средств релятивизации в русском языке, авторы соответствующего раздела в «Русской корпусной грамматике» к

страдательным относят те причастия, при помощи которых релятивизируется позиция дополнения (*цыплёнок, уносимый ястребом > ястреб уносит цыплёнка*), в то время как действительными причастиями релятивизируется позиция подлежащего (*заходящее солнце > солнце заходит*) Именно такой подход квалифицируется как синтаксический в отличие от традиционного семантического [10].

Материалом нашего исследования послужили рассказы и повести А. Чехова, созданные в последний период его творчества – в 1895–1903 гг. [12]. Нами проанализировано 24 произведения, словарный состав которых составляет около 141 тыс. единиц. В указанных текстах А. Чехова зафиксировано 679 словоформ причастий, употреблённых 1196 раз, т.е. средняя частотность использования словоформы равна 1,8. Это свидетельствует о лексическом богатстве причастий в художественной прозе А. Чехова.

Мы произвели количественный анализ страдательных причастий по их категориальным признакам и по некоторым особенностям использования в текстах А. Чехова. Результаты этого анализа даны в таблице 1, в которой разграничивается количество словоформ (число до косой линии) и количество их употреблений в анализируемых текстах (число после косой линии). Так, числовой показатель типа 60 / 123 означает, что в художественной прозе А. Чехова зафиксировано 60 словоформ страдательных причастий с суф. *-н-* (орфографический вариант *-нн-*), образованных от глаголов 3-го класса и употреблённых 123 раза. Рассмотрим данные таблицы 1:

Количественное распределение страдательных причастий

Тип причастия Классы	А. ЧЕХОВ. ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ 1895-1903 гг.						
	СТРАДАТЕЛЬНЫЕ ПРИЧАСТИЯ						
	ПОЛНЫЕ			КРАТКИЕ			
	Настоящее	Прошедшее время		СО СВЯЗКОЙ		БЕЗ СВЯЗКИ	
-ЕМ- / -ИМ-	-Н-, -ЕН-	-Т-	-Н-, -ЕН-	-Т-	-Н-, -ЕН-	-Т-	
1 класс	—	14 / 16	37 / 98	6 / 7	15 / 25	4 / 5	9 / 15
2 класс	—	1 / 1	22 / 48	2 / 2	5 / 9	—	3 / 8
3 класс	8 / 10	60 / 123	3 / 4	22 / 35	—	15 / 30	—
4 класс	3 / 12	126 / 253	—	56 / 78	—	41 / 58	—
5 класс	—	3 / 3	2 / 4	3 / 3	1 / 1	6 / 9	1 / 1
Всего:	11 / 22	204 / 396	64 / 154	89 / 125	21 / 35	66 / 102	13 / 24
		268 / 550		110 / 160		79 / 126	
Общий	279 / 572 (60% - 67%)			189 / 286 (40% - 33%)			
итог:	468 / 858 (69% - 72%)						

Как видим, в таблице 1 отражено довольно много количественных данных, указывающих на сложную организацию в современном русском языке системы причастий в целом и страдательных в частности (см. [1, с. 169-174], [2, с. 57-66] и др.). В последней строке таблицы 1 подытоживается общее количество страдательных причастий в анализируемых текстах – 468 словоформ, употреблённых 858 раз, что составляет соответственно 69% и 72% от общего числа причастий, зафиксированных в художественной прозе А. Чехова 1895 – 1903 гг. (679 / 1196).

Как показывает таблица 1, для страдательных причастий актуально деление на полные и краткие формы, которые образуются при помощи одних и тех же суффиксов. Употребление суффиксов, как известно, регламентируется классовой принадлежностью глаголов (мы используем классификацию А. Лескина). Так, суф. **-т-** зафиксирован преимущественно у производных от глаголов 1-го и 2-го классов. Ср.: *забитое / были биты; открытым / была открыта, открыта; покрытые / были покрыты, покрыт* (от глаголов 1 класса); *затянутая / была затянута; протянутых / были протянуты; одетый / была одета, одеты* (от глаголов 2 класса); и др. Для причастий, образованных от глаголов 3 класса, характерен суф. **-н-** (*взволнованный / был взволнован, взволнован; очарованный / была очарована; растроганный / был растроган*), а от глаголов 4 класса – суф. **-ен-, -ён-** (*заброшенная / был брошен; приговорённых / был приговорён, приговорены; утомлённом / были утомлены*).

Объектом анализа в данной статье являются полные формы страдательных причастий (279 / 572), так как краткие причастия (189 / 286) в художественной прозе А. Чехова представлены только в одной функции – предикативной, которая у полных форм занимает периферийное положение.

В группе полных форм страдательных причастий явно преобладают словоформы прошедше-

го времени (268 / 550). Словоформы настоящего времени составляют только 4%. Например: *волнующая* (причастия приводятся в той форме, в какой впервые зафиксированы в тексте), *воображаемый, подогреваемое, получаемое, уважаемый* (производные от глаголов 3 класса); *видимое, любимому, чтимые* (производные от глаголов 4 класса). Чтобы в дальнейшем не возвращаться к анализу этих причастий, отметим, что в большинстве случаев они не имеют зависимых слов и употребляются в препозиции по отношению к определяемому слову. Например: *Она умылась, надела белую косыночку и пошла в моленную к своему любимому брату уже тихая, скромная.* [4: 47]¹; *...под особо чтимые двенадцатые праздники всенощная у меня служилась часов десять, а когда и двенадцать.* [4: 39]; *Большая Дворянская и еще две улицы почище жили на готовые капиталы и на жалованье, получаемое чиновниками из казны...* [7: 121]; и др.

Кроме собственно причастий, в анализируемых текстах имеется несколько групп прилагательных с суф. **-ем-, -им-**: *несгибаемый, немолкаемый* (производные от глаголов НСВ, закрепившиеся с префиксом *не-*); *вообразимый, объяснимый* (производные от глаголов СВ); *непобедимый, неукротимый* (производные от глаголов СВ, закрепившиеся с префиксом *не-*). Подробнее см. в [2, с. 60].

Изучение причастий в тексте показывает, что их функционально-стилистические особенно-

¹ Так как материал нашего исследования состоит из 24 произведений А. Чехова, помещённых в одном томе Собрания сочинений – 8-м, мы пронумеровали проанализированные произведения по оглавлению этого тома (в списке литературы эти номера указываются) и при паспортизации примеров вначале указываем соответствующий номер, а потом страницу. Например, [4: 47] означает, что пример взят из 4-го рассказа («Убийство»), с. 47.

сти предопределяются прежде всего категориальными признаками причастий (залог, время, полная / краткая форма), а также производящих глаголов (переходность / непереходность, вид). Поскольку для анализа мы избрали одну группу причастий (страдательные прошедшего времени), которые образуются только от переходных глаголов СВ, указанные категориальные особенности в данном случае подробно рассматриваться не будут. Наш анализ мы ограничили такими признаками, как отсутствие / наличие у причастия зависимых слов (одиночные причастия и причастия в составе оборотов), а также позиция по отношению к определяемому слову — препозиция, т.е. положение перед определяемым словом, и пост-

позиция, т.е. положение после определяемого слова. Ввиду ограниченного объема статьи основным объектом нашего исследования являются одиночные причастия, зафиксированные в препозиции по отношению к определяемому слову. В таблице 2 представлены результаты количественного анализа нашего материала по указанным признакам. В этой таблице мы исходим из общего количества причастий в анализируемых текстах, обозначая при этом также процентное соотношение выделяемых единиц, что позволяет более наглядно, чем в таблице 1, показать неравномерность распределения основных типов причастий в текстах А. Чехова. Рассмотрим показатели таблицы 2:

Таблица 2

Позиции страдательных причастий в художественной прозе А. Чехова 1895-1903 гг.

Типы причастий	Одиночные		Обороты		Всего по горизонтали:
	препозиция	постпозиция	препозиция	постпозиция	
Страдательные					
1) настоящего времени	15 (68%)	1 (4,5%)	1 (4,5%)	5 (23%)	22 (4%)
2) прошедшего времени	222 (40%)	115 (20%)	40 (7%)	173 (31%)	550 (96%)
Всего по вертикали:	237 (42%)	116 (20%)	41 (7%)	178 (31%)	572
	353 (62%)		219 (38%)		

Как отмечалось выше, в художественной прозе А. Чехова страдательные причастия наст. времени составляют всего 4%, поэтому данные их количественного анализа мы приводим только для полноты представления материала. Указанные в таблице 2 страдательные причастия прошедшего времени по признаку 'отсутствие / наличие зависимых слов' (одиночные и обороты) образуют две неравновеликие группы – одиночные причастия зафиксированы в 353 примерах (62%), а причастия в составе оборотов составляют 38% (219 примеров): Например: (1) *В лавках нам, рабочим, сбывали тухлое мясо, лёгкую муку и спитой чай...* [7: 142]; (2) *Эта изба, неогороженная, стояла особняком и в ней был трактир.* [8: 203]; (3) *Около настежь открытых ворот уже собралась толпа и смотрела во двор.* [23: 445]; (4) *На воде, гладкой, как зеркало, изредка ходили круги да вздрагивали речные лилии, потревоженные веселою рыбой.* [7: 127]. Из приведённых примеров видно, что и одиночные причастия, и причастия в составе оборотов могут стоять как перед определяемым словом, в препозиции (1-е и 3-е предложения), так и после определяемого слова, т.е. в постпозиции (2-е и 4-е предложения). Однако в количественном отношении эти группы причастий по-разному распределяются в указанных позициях: одиночные причастия преобладают в препозиции (237 примеров, или 42%), в то время как причастные обороты чаще встречаются в постпозиции, где зафиксиро-

вано 178 страдательных причастий, что составляет 31%.

Рассмотрим некоторые особенности употребления одиночных причастий в препозиции: *Она тосковала по родине, но воспоминания о пережитой бедности, о недостатках, о заржавленной крыше на доме брата вызывали в ней отвращение, дрожь...* [5: 81]; *На том поле, где тогда цвела рожь и кричали перепела, теперь бродили коровы и спутанные лошади.* [6: 107]; *Расстаканные бревна уже не горели, но сильно дымили...* [8: 218]; и др. В приведённых примерах причастия употреблены в атрибутивной позиции, т.е. в качестве согласованного определения. Называя признак, сформировавшийся в прошлом, они являются рестриктивными определениямиⁱⁱ, сужающими «множество референтов, обозначаемых вершинным существительным». В нашем материале такие причастия являются преобладающими. В них в наименьшей степени проявляется предикативное начало [10; 4, с. 9-18].

Наши наблюдения показали, что при рестриктивном употреблении для причастий характерна разная степень семантического единства с определяемым словом. В большинстве случаев, сужая множество референтов, причастия достаточно тесно связаны с определяемыми словами.

ⁱⁱ От лат. restrictio — ограничение. Ограничивающий, ограждающий, сдерживающий; запретительный.

Ср.: (1) *Он опять начал об изразцовом заводе, о хоре, но оскорблённый Сергей Никанорыч никак не мог успокоиться...* [4: 35]; (2) *Отец, Петр Леонтыч, в помятом фраке, от которого пахло бензином, подошёл к ней, протягивая блюдечко с красным мороженым.* [2: 21]; и др. В процитированных примерах причастия служат своеобразным ключом для понимания содержания всей фразы (*Сергей Никанорыч никак не мог успокоиться* – почему? – *потому что был оскорблён*) или особенностей развития образа. Так, Петр Леонтыч, который обычно «целых полчаса стоял перед зеркалом и прихорашивался, то причёсываясь, то закручивая свои чёрные усы, прыскался духами, завязывал бантом галстук, потом надевал перчатки, цилиндр и уходил на уроки», появляется на бале «в помятом фраке, от которого пахло бензином». Помятый фрак – это тот штрих, который помогает А. Чехову очень экономно показать степень деградации героя, подверженного пьянству.

В отдельную группу мы выделили примеры, в которых обнаруживается наиболее тесная смысловая связь причастий с определяемыми словами. Ср.: *По субботам Пустовалов и она ходили ко всенощной, в праздники к ранней обедне и, возвращаясь из церкви, шли рядышком, с умиленными лицами, от обоих хорошо пахло, и ее шелковое платье приятно шумело...* [18: 356]; *Нередко приходилось мне видеть, как оборванца с окровавленной физиономией, без шапки, вели в полицию...* [7: 122]; *Он говорил не спеша, надевая перчатки, а госпожа Ляликоса стояла неподвижно и смотрела на него заплаканными глазами.* [17: 343]; *Он был мал ростом, тощ, с желтым лицом, с зачесанными височками, говорил жидким тенорком, и когда говорил, то кривил рот...* [18: 352]; и др. В приведенных примерах значения определяемых слов требуют обязательного уточнения, ограничения (рестрикции). Чаще всего это наблюдается в описательных контекстах при словах, обозначающих лицо или его части. В анализируемых произведениях А. Чехова зафиксированы следующие сочетания причастий с определяемыми словами: *бледное, помятое лицо, с заплаканным лицом, с озабоченным лицом, с поношенным лицом, с умиленными лицами; с вытянутыми физиономиями, с окровавленную физиономией; с закрытым ртом, с открытым ртом; восхищенными глазами, с закрытыми глазами, испуганные глаза, по необыкновенно добрым глазам; и др.* Целый ряд слов с абстрактным значением тоже имеют тесно связанные с ними причастия. Ср.: *...каждое слово Ариадны, каждая улыбка восхищали меня, подкупали и заставляли предполагать в ней возвышенную душу.* [5: 66]; *Мы уже не дерём на конюшне наших лакеев, но мы придаём рабству утончённые формы...* [7: 139]; *Варвару то и дело окликали, чего-нибудь требовали, и она с растерянным видом, тяжело дыша, бегала в кухню, где с рассвета работал повар от Костюкова и*

белая кухарка от Хрыминых Младших. [23: 426]; и др. В данных примерах мы выделили глаголы-сказуемые, чтобы подчеркнуть тот факт, что во многих предложениях словосочетание «причастие + определяемое слово» занимает позицию обстоятельства. Именно такие словосочетания чаще всего образуют неразрывное семантическое целое.

Следует отметить, что, дополняя значения определяемых слов, причастия далеко не всегда оказывают заметное влияние на содержание всей фразы. Ср.: (1) *Когда шаги генерала затихли, Андрей Хрисанфыч осмотрел полученную почту и нашел одно письмо на свое имя.* [22: 415]; (2) *То, что я был в ее власти и перед ее чарами обращался в совершенное ничтожество, доставляло ей то самое наслаждение, какое победители испытывали когда-то на турнирах.* [5: 83]; (3) *Моё новое положение возбуждало в нём смешанное чувство удивления, зависти и смутной надежды, что и с ним может случиться что-нибудь подобное.* [7: 166]; и др. Из данных примеров причастия можно удалить без особого ущерба для содержания всей фразы: *осмотрел почту* (1); *обращался в ничтожество* (2); *возбуждало чувство удивления, зависти и смутной надежды* (3). Безусловно, при исключении причастия эмоциональное напряжение в некоторых фразах несколько ослабевает (*обращался в совершенное ничтожество* > *обращался в ничтожество*), но в целом эти словосочетания не имеют такой смысловой нагрузки, как *в помятом фраке*. Более того, в некоторых случаях причастия вступают в противоречие с семантическими особенностями определяемых слов. Например: *И около того флигеля, где в прошлом году была контора, вдруг раздался придушенный крик: – Ка-ра-у-л!* [7: 182]. Это предложение употребляется в таком контексте: *И как бы в ответ на мои мысли на дворе раздался отчаянный крик – Ка-ра-у-л! Это был тонкий бабий голос, и, точно желая передразнить его, в трубе загудел ветер тоже звонким голосом* [7: 181]. <...> *Кого-то душат!* – *проговорила она [жена].* <...> *И около того флигеля, где в прошлом году была контора, вдруг раздался придушенный крик: – Ка-ра-у-л!* [7: 182]. *Боролись два человека <...> оба тяжело дышали.* <...> *я узнал Ивана Чепракова; он-то и кричал тонким бабьим голосом.* [7: 182]. На первый взгляд, значение определения *придушенный крик* подкрепляется словами *кого-то душат* и *оба тяжело дышали*, но, с другой стороны, *придушенный крик* принадлежал тому же Ивану Чепракову, который кричал *тонким бабьим голосом*. Несмотря на большое количество рестриктивных причастий в художественной прозе А. Чехова, их нельзя рассматривать как заурядное художественное средство. Чтобы достичь полной сопряжённости значения причастия и определяемого слова, автору приходится проделывать большую работу по точному выбору рестриктивного причастия. Недаром А. Чехов любил работать со словарями.

Следует отметить, что рестриктивные причастия и причастные обороты не могут линейно отрываться от той именной группы, с которой они соотносятся. Поэтому в анализируемом в данной статье материале при причастиях практически нет определяемых слов, выраженных местоимениями. Ср.: (1) *Потом, разъярённая, она металась по двору около белья, срывала всё, и то, что было не её, бросала на землю и топтала.* [23: 446]. (2) *Радостная, пьяная, полная новых впечатлений, замученная, она разделась, повалилась в постель и тотчас же уснула...* [2: 23]; (3) *Совсем уже взрослая, большая, хорошего роста, но некрасивая, похожая на мать, с такими же маленькими глазами и непричёсанная, укрытая до подбородка, она в первую минуту произвела на Королёва впечатление существа несчастного, убогого, которое из жалости пригрели здесь и укрыли, и не верилось, что это была наследница пяти громадных корпусов.* [17: 341]. Характерно, что сопоставить с предложениями, в которых определяемое слово выражено существительным, можно только 1-й пример. В предложениях (2) и (3) причастия даны в составе атрибутивных рядов. Во всех приведённых примерах причастие, согласовываясь с местоимением, испытывает и 'притяжение' глагола-сказуемого, в результате чего у причастий появляются оттенки обстоятельственных значений: *металась* – как? – *разъярённая*; *разделась, повалилась в постель, тотчас уснула* – почему? – *замученная*; *произвела впечатление существа несчастного, убогого* – почему? – *непричёсанная, укрытая до подбородка*.

Исследователи языка А. Чехова давно обратили внимание на активное использование им атрибутивных членов предложения, прежде всего имён прилагательных (см., например, [6]). Не менее активно в атрибутивной функции писатель употребляет и причастия, часто совмещая их не только с прилагательными, но и с другими частями речи. При таком совмещении возникают ряды синонимичных слов. Мы определяем эти ряды как грамматико-синонимические [8, с. 44-49]. Основным типом грамматико-синонимических рядов в художественной прозе А. Чехова являются ряды, включающие причастия и прилагательные. Например: *Ольга вспомнила, какой жалкий, приниженный вид был у стариков, когда зимою водили Кирьяка наказывать розгами...* [8: 232]; *Гость поднялся и сел. Его бледное, помятое лицо выражало досаду и усталость...* [9: 242]; *...ему хотелось говорить шёпотом, но говорил он придушенным, сильным голосом, и всем было слышно.* [23: 438]. В процитированных примерах ряд образует одно причастие и одно прилагательное, однако чаще всего компонентами ряда является несколько причастий и несколько прилагательных в различных комбинациях. Ср.: *В большинстве это были нервные, раздражённые, оскорблённые люди ...* [7: 175] (2 причастия + 1 прилагательное);

Это была живая, искренняя, убежденная девица, и слушать ее было интересно... [6: 92] (1 + 2); *Моя сестра, это нервное, запуганное, забитое, не свободное существо, любит человека, который уже женат и имеет детей!* [7: 177] (2 + 2). Компоненты грамматико-синонимических рядов часто имеют зависимые слова (*Два ряда старых, тесно посаженных, очень высоких елей стояли, как две сплошные стены, образуя мрачную, красивую аллею.* [6: 89-90]), однако в данной статье мы такие ряды не рассматриваем.

Кроме причастий и прилагательных, грамматико-синонимические ряды могут включать существительные в разных падежных формах, допускающих атрибутивное употребление: *В простеньком шерстяном платье, в косыночке, со скромным зонтиком, но затянутая, стройная, в дорогих заграничных ботинках – это была талантливая актриса, игравшая мещаночку.* [7: 160] (1 + 1 + 4 существительных).

В отличие от причастий в рестриктивном употреблении, грамматико-синонимические ряды не сужают, а, наоборот, расширяют значение определяемого слова. Синонимичность компонентов ряда может 'лежать на поверхности' (*Одна дама, молодая и очень красивая, <...> остановилась перед Шамохиным и сказала ему с выражением капризного, избалованного ребенка: – Жан, твою птичку учало!* [5: 87]), но чаще её приходится доказывать путём выделения сем, иногда глубинных. Ср.: *У нее всегда такое доброе, сосредоточенное выражение.* [7: 119]. На первый взгляд, атрибутивы *добрый* и *сосредоточенный* не имеют точек семантического соприкосновения, однако более глубокий анализ показывает, что у прилагательного *добрый* есть сема, сближающая его с причастием *сосредоточенный*: реализация доброты предполагает её сосредоточенность на объекте.

В целом почти треть причастий в художественной прозе А. Чехова зафиксирована нами в составе грамматико-синонимических рядов, причём полного совпадения структуры этих рядов между разными типами причастий не наблюдается. Рассмотрим ещё несколько примеров включения страдательных причастий в грамматико-синонимические ряды: *Ее сморщенное, всегда испуганное лицо сияло счастьем...* [23: 435] (причастие + причастный оборот); *...белый, забрызганный кровью платочек сполз у нее на плечи, и седые волосы распустились.* [4: 54] (прилагательное + причастный оборот); *Это была очень старая, давно заброшенная усадьба.* [7: 124] (прилагательное с зависимым словом + причастный оборот); *Сильно затянутая, звеня браслетами на обеих руках, она ходила то в кухню, то в амбар, то на скотный...* [10: 248] (причастный оборот + деепричастный оборот); и др. В отношении последнего примера отметим, что атрибутивные ряды, включающие деепричастия и деепричастные

обороты, редко, но всё-таки встречаются в художественной прозе А. Чехова.

Рассмотрев несколько типов атрибутивных конструкций, мы вплотную подошли к проблеме терминологического определения данного приёма. В нашем распоряжении имеется несколько терминов, в той или иной степени соотносимых с рассмотренными принципами объединения атрибутивных компонентов: 'синтаксический ряд' (обозначает наиболее простой тип конструкции с параллельными членами, однородными и неоднородными, но с сочинительной связью [7]), 'синонимический ряд' (его члены различаются не основными категориальными признаками, а коннотативными значениями или экспрессивной характеристикой [8, с.139]), термин В. В. Виноградова 'словесный ряд' (последовательность единиц разных ярусов, объединённых прежде всего соотносённостью с определённым приёмом построения текста, т.е. с композицией [5, с. 160]). Мы остановились на термине 'грамматико-синонимические ряды', которые возникают внутри грамматической категории (в данном случае категории качественности), отражая внутренние закономерности взаимодействия между морфологическими, синтаксическими и лексическими средствами, объединёнными общностью семантической функции [5, с.139]. В русском языке к наиболее типичным способам выражения качественности относят имя прилагательное; причастие; атрибутивное имя;

имя существительное в позиции приложения; род. падеж имени существительного; имя существительное + инфинитив; причастный оборот; придаточное определительное предложение; и др. Именно значение качественности придаёт объединению разноименных членов тот оттенок синонимичности, который необходим для создания стилистически значимой конструкции.

Таким образом, исследование причастий, зафиксированных в художественной прозе А. Чехова 1895-1903 гг., показало явное преобладание причастий страдательного залога, образующих систему единиц, достаточно сложную как в грамматическом, так и в функционально-стилистическом аспекте. Анализ только одного типа этих причастий (словоформ прошедшего времени, не имеющих в тексте зависимых слов и употребляющихся в препозиции по отношению к определяемому слову) позволил установить две основных разновидности семантического взаимоотношения между причастиями и определяемыми словами – сужение семантического объёма определяемых слов при рестриктивном употреблении причастий и расширение в тех случаях, когда причастие входит в грамматико-синонимический ряд атрибутивного характера. Дальнейшее исследование причастий в художественной прозе А. Чехова позволит расширить представление о причинах и типах функционально-стилистической нагруженности причастий в тексте.

Литература

1. Бекасова Е., Устюгова Л., Брандыс О. Русские причастия: методический аспект // Определение картины мира в русском языке, культуре и литературе: Zborník štúdií z conference Katedry rusistiky Filozofický fakulty Univerzity sv. Cyrila a Metoda v Trnave a Katedry ruského jazyka a ruskej literatúry Historicko-filologickej fakulty Belgorodskej štátnej národnej výskumnej university. – Brno: Tribun EU, 2018. – S. 169-174.
2. Брандыс О., Устюгова Л. Русские причастия как объект изучения в школе // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. – 2018. – № 1 (39). – 57–66.
3. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв.: Учебник. 3-е изд. / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1982. – 528 с.
4. Влавацкая М. В. Комбинаторная семасиология: рестриктивный компонент значения слова / М. В. Влавацкая // Научный диалог. – 2017. – № 9. – С. 9–18.
5. Горшков А. И. Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика: учебник / Горшков А. И. – М.: АСТ : Астрель, 2006. – 367 с.
6. Нефёдова Т. П. Имя прилагательное как одно из средств выражения основной идеи рассказа А.П. Чехова «Анна на шее» // Языковое мастерство А.П. Чехова. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1988 // Электронный ресурс. Режим доступа <http://prgoob.narod.ru/26/009.htm>
7. Прияткина А.Ф. Русский язык. Синтаксис осложнённого предложения. Учебное пособие для филол. спец. вузов. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.
8. Раевская Н.Н. Очерки по стилистической грамматике современного английского языка. – К.: Изд-во Киевского ун-та, 1973. – 144 с.
9. Русская грамматика. – М.: Наука, 1980. – Т. 1, 783 с.
10. Русская корпусная грамматика // Электронный ресурс. Режим доступа <http://rusgram.ru/Причастие>
11. Унбегаун Б.О. Историческая грамматика русского языка и её задачи // Язык и человек. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1970. – С. 262-267.

Источник фактического материала

12. Чехов А.П. Повести и рассказы 1895 – 1903 гг. // Чехов А.П. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т.8. – М.: Изд-во худож. лит-ры, 1956. – 556 с.

Перечень произведений по оглавлению: 2. Анна на шее; 3. Белолобый; 4. Убийство; 5. Ариадна; 6. Дом с мезонином; 7. Моя жизнь; 8. Мужики; 9. Печенег; 10. В родном углу; 11. На подводе; 12. У знакомых; 13. Человек в футляре; 14. Крыжовник; 15. О любви; 16. Ионыч; 17. Случай из практики; 18. Душечка; 19. Новая дача; 20. По делам службы; 21. Дама с собачкой; 22. На святках; 23. В овраге; 24. Архирей; 27. Невеста.

Пропущены: 1. Супруга; 25. Расстройство компенсации; 26. Письмо.

Людмила УСТЮГОВА

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ НАГРУЗКА ОДИНОЧНЫХ СТРАДАТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ А. ЧЕХОВА 1895 – 1903 ГГ.

Аннотация. Объектом исследования в данной статье являются страдательные причастия без зависимых слов (одиночные), зафиксированные в художественной прозе А. Чехова последнего периода творчества. Основное внимание в статье сосредоточивается на функционально-стилистических различиях, обусловленных позицией указанных причастий по отношению к определяемому слову (препозиция / постпозиция). Интересные наблюдения автора касаются особенностей употребления одиночных причастий в составе грамматико-синонимических рядов, включающих компоненты с атрибутивным значением различной частеречной принадлежности.

Ключевые слова: русский язык, пассивные причастия, одиночные пассивные причастия, категориальные признаки, позиция в предложении, грамматико-синонимические ряды, художественная проза.

Lyudmila USTYUGOVA

FUNCTIONAL AND STYLISTIC SENSE / CONTENT OF SINGLE PASSIVE PARTICIPLES IN PROSE A. CHEKHOV, 1895-1903

Summary. The object of research in this article is the passive participles without dependent words (single) in the fiction by A. Chekhov of the last creative period. The author focuses on functional and stylistic differences, which depend on the place of participles in relation to the word being defined (preposition / postposition). The author makes original conclusions about the features of the use of single participles in the composition of grammatical and synonymic series, in which there are attribute components of different parts of speech.

Key words: Russian, passive participles, single passive participles, categorical signs, position in a sentence, grammar-synonymic series, artistic prose.

Стаття надійшла до редакції 27 листопада 2018 р.

© Устюгова Л.М., 2018

Устюгова Людмила Михайлівна – доктор філологічних наук РФ, доцент, професор кафедри слов'янської філології та світової літератури філологічного факультету ДВНЗ «УжНУ».